
РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

«ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ», ИЛИ РУССКИЙ ПУТЬ К ГЛОБАЛИЗМУ*

А. В. Кацура

Коммунизм и казарма

Все исправители мира суть социалисты.
Освальд Шпенглер

И вот тут нельзя не сказать о странной двойственной роли и печальной судьбе учения Маркса. (Мы на время должны вынести за скобки подлинную глубину Маркса, ныне мало кому важную, – учение о человеческой свободе, свободе конкретного личностного человека в ее неразрывной связи со свободой *всех*, свободе, которая, как на шампур, нанизана на историческую ось, распластана по этой оси так, что ее мало в настоящем, еще меньше в прошлом, и от которой доносится только слабый мучительный аромат из *научно предвидимого* будущего, смахивающего на ультратехническую утопию, на «фаталистически трактованное техническое мессианство».) Нет, здесь мы вспомним об ином – о грубом учении *коммунизма* (от которого Маркс в ужасе отшатнулся бы, восстань он из гроба в ленинские или сталинские времена), учении, равно подходящем авторитарным вождям и невежественным толпам, массам, в которых каждая песчинка охлоса несет в своем глубоком бессознательном древний *комплекс вождя и стада*, причем главным атрибутом этого комплекса является *перенос* центра собственной личности и ее интересов в воображаемое личностное поле вождя: *он – это мы, мы – это он*. Умиравший за вождя на поле боя пассионарий подсознательно верит в свое бессмертие, ибо ядро своей личности он вручил вождю, растворил в вожде, который не столько человек, сколько символ, а потому бессмертен. Если вождю во дворце тепло и сытно, то тепло и сытно голодному пассионарию в лачуге, в землянке, в сыром окопе. Но долго ли этот обморок может длиться? Все было бы прекрасно, да вожди, оказывается, не вечны не только как существа из плоти, но и – о, ужас! – как символы (хотя за символизм этот долго не затихает борьба, измученные и сбитые с толку пассионарии держатся за него как за последнюю соломинку). В Китае прошлого века это дошло до гомерической метафоры: *взнь взнь суй Мао джуси* (10 тысяч лет жизни Председателю Мао)! Но каким потрясением была смерть Сталина в коммунистической России! Народ к тому времени был уже доведен до приличной степени иррациональности, в смерть «отца народов» он поверил лишь

* Продолжение. Начало см. в журнале «Век глобализации». – 2008. – № 1. – С. 144–153.

частью души. По свидетельству Корнея Чуковского, Эммануил Казакевич мрачновато шутил в марте 1956 г., как раз после XX съезда: «Вдруг в “Правде” печатается крупным шрифтом “В Совете министров СССР”: вчера в 12 часов 11 минут считавшийся умершим И. В. Сталин усилиями советских ученых ВОСКРЕШЕН и приступил к исполнению своих обязанностей. Вместе с ним воскрешен и заместитель председателя Совмина Лаврентий Павлович Берия”. И никто даже не удивился бы».

Да просто бы возликовали! Ибо, если не считать бывших лагерников да горстки диссидентов, основная масса ждала подобного пришествия. И ждет по сию пору. Отрекшись от президентства до срока, Борис Ельцин поступил мудро. Ведь этим нестандартным шагом (оставим за скобками вопрос о том, насколько он делал это по своей воле) часть народного расположения к себе вернул. Но он не мог этого сделать, пока не нашел того, кто хотя бы отдаленно напоминал по повадкам вождя. Не предводителя-умницу, гуманного теоретика и знатока экономических тонкостей, а вождя сурового со взглядом сосредоточенно-прохладным. Этого обстоятельства в своей политической практике не учитывают, не используют, не понимают (и, видимо, никогда не поймут) умный экономист Явлинский и иные демократические лидеры правой и центристской ориентации. Вот почему, кстати, их электорат никогда не выйдет за роковую черту в 6–7 %, сколько ни комбинируй и ни соединяй.

Еще в 1929 г. Ортега-и-Гассет назвал коммунизм и фашизм «ложными зорями человечества». Русский же марксизм он прямо окрестил «маскировочной шкурой, сброшенной на волчий имперский аппетит России». Но не этот ли заимствованный (и сильно искаженный) «марксизм» провозгласил своей главной целью освобождение трудящихся всей земли, включая небезразличную Ортеге Гренаду? Какая прекрасная легенда для завоевания мира! И так ли здесь важен марксизм, если эта цель была поставлена Россией куда как раньше – во времена Филофея и Ермака. (Справедливости ради отметим, что примерно в тот же исторический период католические короли Испании ставили похожие задачи перед своей страной.) Что касается XIX в., особенно его конца, то обратимся вновь к такому умному писателю, как Энгельс. Еще в начале 1890 г. в большой статье «Внешняя политика русского царизма» он так прямо и заявил: *основной целью России является мировое господство*. И подтвердил сей вывод довольно внимательным анализом, отрывки из которого нелишне здесь вспомнить.

Известно, что в Европе Россию недолюбливали, в Европе России опасались. Еще в октябре 1825 г. русский посол в Лондоне князь Христофор Андреевич Ливен докладывал депешей из Англии: «Вся Европа с ужасом смотрит на этот русский колосс, гигантские силы которого ждут только сигнала, чтобы двинуться против нее. В ее интересах поэтому поддерживать турецкую державу, этого естественного врага нашей империи».

Энгельс через 65 лет продолжает эту тему, говоря прямо: одно уже пассивное существование Российской империи представляет для нас угрозу и опасность. (Под словом *нас* Энгельс понимает западноевропейское рабочее движение, но из дальнейшего текста видно, что естественным синонимом было бы простое слово *европейцы*. Характерно, что на протяжении всего XX в. мысль эту будут повторять самые разные политики Европы и Америки, хотя будет и немалый период *очарованности* [части западных интеллектуалов] коммунистическими преобразования-

ми в России.) И что делать? Ответ Энгельса вытекает из его логики социалиста: «мы... заинтересованы в победе русской революционной партии». Ему казалось, что русская революция уничтожит русский агрессивный напор (и «русскую реакционность»). Не одному ему так казалось. Получилось все наоборот. Коммунизм (но не Маркс, а ненавистный ему казарменный) сделал Россию просто свирепой. Почему? Как? Чуть позже мы к этому вернемся. Впрочем, сам Энгельс приводит мнение специалиста по русской дипломатии англичанина Давида Уркарта, на протяжении полувека утверждавшего, что каждый европейский либерал и революционер является сознательным или бессознательным орудием России. Энгельс к сему мнению отнесся иронически: «Систематические занятия русской дипломатией привели Уркарта к убеждению, что она – всемогуща, что она и в самом деле является единственным активным фактором современной истории, все же другие правительства – лишь пассивные орудия в ее руках; так что если бы не его столь же преувеличенная оценка силы Турции, нельзя было бы понять, почему эта всемогущая русская дипломатия давно уже не захватила Константинополь». Как видим, Уркарт в большей степени, нежели Энгельс, выступил последователем Токвиля. Однако если француз России не боялся, то англичанин, аристократ и наследник империи, опасался чрезвычайно. А вслед за ним, противореча самому себе, и социалист Энгельс. Последний напомнил в 1890 г., что еще в 1848 г. Маркс первым указал и с тех пор неоднократно подчеркивал, что западноевропейская рабочая партия вынуждена будет не на жизнь, а на смерть бороться с русским царизмом. (Когда царя заменит генсек, разве что-нибудь изменится? И какой насмешкой истории звучит то обстоятельство, что партия Гитлера называлась рабочей и социалистической!)

Энгельс по-своему подхватывает мысль Уркарта. Вот что он пишет в упомянутой статье: «Русская дипломатия образует своего рода современный орден иезуитов, достаточно мощный, чтобы преодолеть в случае необходимости даже царские прихоти и коррупцию в своей собственной среде, чтобы тем шире распространить ее вокруг. (Не остро современно ли это звучит? – А. К.) Вначале этот орден набирался по преимуществу из иностранцев: корсиканцев, как например Поццо-ди-Борго, немцев, как Нессельроде, остзейских немцев, как Ливен; иностранкой была и его основательница Екатерина II... Именно это тайное общество, набравшееся вначале из иностранных авантюристов, и подняло Российскую империю до ее нынешнего могущества. С железной настойчивостью, неуклонно преследуя намеченную цель, не останавливаясь ни перед каким вероломством, предательством, убийством из-за угла, пресмыкательством, не скупясь ни на какие подкупы, не опьяняясь победами, не падая духом при поражениях, шагая через миллионы солдатских трупов и по меньшей мере через один царский труп, – эта шайка, настолько же бессовестная, насколько и талантливая, содействовала больше, чем все русские армии, расширению границ России от Днепра и Двины за Вислу, до Прута, Дуная и Черного моря, от Дона и Волги за Кавказ, к истокам Оксуса и Яксартажа, это она способствовала тому, чтобы сделать Россию великой, могущественной, внушающей страх и открыть ей путь к мировому господству».

Я надеюсь, что у читателя не свело скулы от цитат из г-на Энгельса. И не в том дело, что нынче ссылаться на «основоположников» немодно, и даже не в том, что прежде, в советских работах, имел место, за редким исключением, лишь набор

дежурных цитат из их произведений при полном искажении общего смысла, а в том, видимо, что во второй половине XIX в. действительно едва ли найдешь людей умнее господ Маркса и Энгельса. Во всяком случае, более глубокого и трезвого анализа российской политики в 90-е гг. позапрошлого века лучше Энгельса не сделал никто. А то, что Энгельс многого не увидел, так на то нам и даны лишние 120 лет, чтобы хоть каким-то боком да освежить и, чем черт не шутит, углубить картинку.

Между прочим, после приведенных слов Энгельса пройдет не более трех десятков лет, и вот эта упомянутая им «шайка» (точнее, ее полуграмотные наследники – от Парвуса до Ульянова, от Дзержинского до Белы Куна), рекрутируя в свои ряды еще большее количество иностранных авантюристов и называя себя *коминтерном* (чему Энгельс несказанно удивился бы), завоеует полмира. Что бы сказал Энгельс, увидя границы России середины XX в. – от Одера до Вьетнама, с проникновением в Африку и на Кубу? Что бы он сказал о значении несчастных Проливов в век спутников и баллистических ракет? Что бы он сказал, услышав слова вооруженного этими самыми ракетами Хрущева, весело и нагло обращенные к Америке, ко всему Западу, – «*Мы вас похороним!*»? Бедный Никита всего-то хотел сказать: «Похороним не людей, нет, но лишь капитализм, то есть “плохой” общественный строй заменим на “хороший”, социалистический, для вашего же, господа капиталисты, счастья в дружной семье народов», поскольку именно эту цель вдалбливали в его не слишком отягощенную знаниями голову на краткосрочных партийных курсах. Но кто тогда на Западе это воспринял именно так? Кто способен был заглянуть под черепную коробку этого странного лысого низкорослого толстяка, притащившего ракеты под бочок Америки на Кубу и стучавшего башмаком по столу в ООН?

В итоге мы видим, что главное из анализа Энгельса сохранилось в первоизданном виде: уверенность России (точнее, определенной части ее народа и элиты), что она призвана *освободить* или, что то же самое, захватить, завоевать, *подчинить своему влиянию* весь мир (а для начала хоть малую часть). И для этой призрачной цели тратились (а точнее, проматывались) гигантские ресурсы России, что подрывало не только национальную экономику, но и биологические силы ее народов. Во внешней политике (в том числе и в военном ее сегменте) было много надуманного, ложного, фанфаронского, но в мире все это воспринимали куда как серьезно и с немалой тревогой.

Царьград – рухнувшая мечта

Но днесь, когда мы вновь со славой
К Стамбулу грозно притекли,
Твой холм потрясся с бранным гулом,
Твой стон ревнивый нас смутил,
И нашу рать перед Стамбулом
Твой старый щит остановил.

А. С. Пушкин, «Олегов щит»

Что оставалось наивной, провинциальной, но уже сверхбогатой и свертехнологичной Америке? Она приняла вызов. А во время еды, как известно, приходит аппетит. Постепенно к Америке, некогда оплоту изоляционизма, стало приходиться

и чувство, и понимание, что это она должна руководить миром. За океаном сформировался свой образ однополярного мира. Процесс этот шел не менее полувека, и если сейчас многим кажется, что задуманный то ли в Белом доме, то ли в Лэнгли план-образ воплотился в реальную жизнь, то по меньшей мере любопытно задуматься над двумя вопросами. Первый: как же это все-таки произошло? И второй: а произошло ли это на самом деле?

Но сначала о том, почему не состоялся, почему рухнул «русский оптимальный вариант»?

А он и не мог состояться. Историческая попытка была предпринята с негодными средствами (страной «не на уровне истории»). Словно оправдывая иронию Энгельса, Россия так и не добралась до Стамбула.

Кто ее остановил в 1829 г.? Неуверенность царя? Страх перед Европой?

Кто ей мог помешать в 1945 г.? Весной этого победного года еще не были сброшены бомбы на Японию, фактора ядерного оружия еще не существовало, военного конкурента в Евразии у России не было, а верность Сталина Ялтинским соглашениям и американскому союзнику вызывает глубокие сомнения. К тому же годом ранее не был принят план Черчилля об открытии Второго фронта в Греции, чтобы, продвигаясь на север, западные союзники могли отсечь Восточную Европу от наступающих войск коммунистической России. (Чего британский премьер справедливо опасался. Не случайно он, пытаясь сохранить хоть что-то, хитро разменял со Сталиным Грецию на Румынию. Сохранился сделанный рукой Черчилля тайный набросок: Румыния на 90 % советская и лишь на 10 % – прозападная, зато Греция на 90 % под западным влиянием, и лишь на 10 % – под советским. Поставив на этой бумаге галочку, Сталин выразил согласие и Грецию отдал. А ведь мог этого и не делать. Мог поторговаться.)

Между прочим, в первых числах апреля 1945 г. случился в бункере имперской канцелярии любопытный эпизод. Уже давно «потухший» фюрер вышел в одно прекрасное утро к окружению в необычно приподнятом состоянии. И хотя уже был слышен дальний гул русской артиллерии, нацистский лидер, сверкая глазами, произнес нечто странное: мы спасены, русские армии вскоре повернут на юг; Берлин вне опасности. И в изумленные физиономии штабных генералов бросил аргумент: русским не нужен Берлин, потому что у них есть лишь одна вековечная мечта – Босфор и Дарданеллы. Гитлер в своем больном сознании всерьез вообразил вполне реальной короткую войну между СССР и Турцией, ради быстрой победы в которой Сталин будто бы оттянет наступательные дивизии из Германии (и тогда, может быть, сверкнет для нацистов надежда на сепаратный мир на Востоке!). Стратегически для Сталина это было бы не так уж и глупо – сохранить кусочек гитлеровской империи (пусть Запад с ней воюет, если хочет, еще лет тридцать), зато легко прийти на берега Мраморного и Средиземного морей с надежными идеями пролетарского братства. Ах, как бедный фюрер ошибался! Но такова была сила магнетизма Гитлера – ему поверили, и весь день в имперской канцелярии шла веселая попойка. Тяжкое похмелье случилось через считанные дни, когда русские пушки загрохотали в предместьях Берлина и на Зееловских высотах.

Но если значение Проливов и старинную русскую тоску по ним понимал Гитлер, неужели этого не знал или не понимал Сталин? Или он оказался честен перед союзниками и южными соседями? Или просто не решился? Но ведь напал же он

на глазах всего мира на крохотную Финляндию. Его за это из Лиги Наций исключили. Ну и что? Он не постеснялся после этого и Польше в ее трагические дни нанести удар в спину (заранее с нацистами спланированный). И есть немало свидетельств (правда, косвенных), что, разделив с Гитлером Польшу, он начал тайно планировать на июль-август 1941 г. тотальный удар по Германии (наверняка с тяжкими сомнениями и не до конца подавленным страхом). Однако же в случае успеха собирался идти до Атлантики, «освобождая» Данию, Францию, Бельгию и Голландию от «фашизма», а заодно и от «капитализма». А уж весной-то 1945 г. испытанными в боях неудержимыми корпусами как было не ударить по недавно дружественной Гитлеру Турции?.. Между прочим, в противоположной ситуации турки едва ли были бы столь же щепетильны. Осенью 1941 г. они сосредоточили к югу от Кавказа 45 отборных дивизий и ждали лишь падения Москвы. До этого, сознавая свою слабость и отчаянно трусая, они выступить не решались. Но Москва так и не пала. Казалось бы, что стоило Сталину любой случайный выстрел на грузино-турецкой границе использовать как повод для нападения на южного соседа? Но обстановка 1945 г. уже совсем не напоминала обстановку предвоенную. К тому же ловкие турки успели не только разорвать отношения с Гитлером, но и объявить ему войну.

Есть немало рациональных объяснений дальнейших шагов советского правительства, но здесь плоским рационализмом не обойдешься. Без историсофских соображений (увы, порою несколько туманных, да еще с легким налетом художественно-исторической мистики) тут едва ли возможно разобраться.

Разумеется, как уже говорилось выше, в век космического оружия дело вовсе не в каких-то там Проливах. Но символ, символ! К тому же доля стратегического значения у этих узких ворот в Средиземное море сохранилась (хотя бы для прохода танкеров с нефтью или отдельных сторожевых кораблей). Но отпадение Украины, скандал с Севастополем и флотом, наполовину иррациональное напряжение с Грузией делают всю картину для России столь печальной, запутанной и провальной, что, казалось бы, о чем говорить?

Америка еще совсем недавно являла собой страну энергичную и эффективную. Было, было чему у нее поучиться. Однако это не означает, что пресловутая «американская модель», во-первых, идеально хороша, а во-вторых – повсеместно применима. И не копировали ее слепо ни японцы, сохранившие свою семейно-азиатскую клановость, ни китайцы на Тайване, ни южные корейцы, ни малайзийцы. Есть, есть непреходящее своеобразие и у японцев, и у китайцев, и у индийцев. Есть оно и у России. Только перечисленные народы не несли и не несут в себе тайной (а порой и явной) идеи завоевания мира, а Россия несла. И вот вопрос – отказалась она от этой фантомной идеи или нет?

Вот ведь сказал же не так давно Путин, что в случае вступления Украины в НАТО Россия будет вынуждена нацелить на ближайшего нашего соседа (а в сущности, и близкого родственника) стратегические ракеты. А если какой-нибудь остров в Полинезии вступит в НАТО, и на него нацелим? Станным образом идея национальной безопасности неотделима у нас от идеи войны со всем миром. Так как же нашим ближайшим (а заодно и дальним) соседям нас не опасаться? Что творится в головах российских руководителей? Ведь предельно ясно, что военный конфликт с НАТО не просто невозможен. Хуже того, он означал бы историческое поражение

человечества. (Обугленная планета? Это уже исторически невозможно.) Или эти воинственные телодвижения предназначены лишь для внутреннего употребления?

Умер ли марксизм?

Маркс впервые нащупывает то, что с тех пор для него будет выступать как парадигма и цель всемирной истории, – субъективная свобода каждой личности, несущей в себе полноту субстанционной свободы.

Карл Кантор

Вот схлынут ожесточение и накипь, и станет ясно то, что многие давно уже поняли: есть коммунизм и *коммунизм*. На самом деле в России был повержен не коммунизм в его более или менее идеальных вариациях, а нечто иное, что только носило (в сущности, незаконно) кличку «*реального социализма*», «*коммунизма*» и т. п. Есть страшный опыт русских, китайских, кампучийских, северокорейских и прочих горе-коммунистов и есть набросанные вчерне, хотя и грандиозными мазками, некие ориентиры выхода человечества на новые исторические высоты, когда не труд будет освобожден (как это превратно поняли и Плеханов, и Ленин), но человек будет освобожден от труда и весь отдан творчеству. У Маркса подлинное творчество – это свободное время, а не труд. Элементы классовой борьбы и жестокого назидательного историзма – это у него преходящее. Доживи Маркс до XX столетия, он от многого устаревшего с легкостью бы отказался, пойдя куда дальше Бернштейна, Каутского, Маркузе, еврокоммунистов и социалистов. Впрочем, это только предположение. Лично я не стал бы спорить с утверждением, что в марксистской доктрине немало элементов утопии. Возможно, и так. Но есть в ней и очень красивые, и очень глубокие построения относительно того выбора, который человечеству предстоит сделать в будущем. Был опыт в 70 дней. Затем случился опыт в 70 лет. Оба предприняты были с негодными средствами и окончились провалом. Когда будет третья попытка? Через 50 лет? Через 150? Предсказывать сроки не берусь, но то, что она будет, – несомненно. История не остановилась и не думает останавливаться. Фрэнсис Фукуяма выступил несколько лет тому назад как какой-то окарикатуренный Гегель. У него вышло так, что Мировой дух воплотился без остатка в западном рыночном либерализме, так что остались лишь мелкие косметические доделки. Примерно то же самое, но на иной манер, думали наши младореформаторы в 1990-е гг. И как провалились! Эти «чикагские мальчишки» всерьез уверовали, что американской модели (так, как они ее понимали) альтернативы нет.

Итак, рухнуло ли учение Маркса?

У недавно ушедшего российского философа Карла Кантора существует оригинальная (и, на мой взгляд, достаточно глубокая) концепция по поводу современного и будущего состояния Марксова наследия¹.

¹ Кантор, К. М. Двойная спираль истории: Историософия проектизма. – М.: Языки славянской культуры, 2002. (Cantor, K. M. Double helix of history: historiosophy of projects. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002).

Марксизм (подлинный) он рассматривает как новейшее (для XIX и последующих веков) издание глубинной христианской идеологии *равенства в свободе и творческом выборе* (Кантор внимательно и детально показывает, что настоящий Маркс, критиковавший земную церковь, отнюдь не был примитивным безбожником, более того, не был и противником, но, скорее, творческим продолжателем дела Христа, перед образом которого пылкий семнадцатилетний юноша из Трира дал обет служить людям).

Всего таких изданий было три.

Первое – учение евангелистов и отцов церкви.

Вторым по счету было великое искусство Возрождения, подхватившее эстафету у заплутавшей к XIV–XV вв. христианской церкви и выразившее на своем специфическом языке великие принципы соотношения мира, человека и Бога, и удержавшее тем самым свет истины Христовой (в скобках замечу и о позже пришедшем своеобразном *русском Возрождении*, породившем удивительное явление – классическую литературу XIX – начала XX вв., выполнявшую ту же миссию – удержание света в душе человеческой).

В случае *социального учения* Маркса речь должна идти об *издании* третьем по счету, но весьма масштабном и надолго определяющем пути человечества. Подобное понимание позволяет Кантору не только увидеть специфические *мессианские черты* в марксизме (на что внимание, разумеется, обращалось и раньше), но даже разглядеть, как в своеобразном облике марксистского учения по миру продолжает распространяться христианство (как идеология личностной свободы, как система нравственных принципов и ориентиров, а не как церковный институт). При таком подходе становится понятным быстрое распространение Марксова учения в стране, которую сам Маркс считал для этого учения не очень пригодной, – в России (читайте ответ Маркса Вере Засулич). В этой связи отмечу совпадение, которое можно трактовать символически: Карл Маркс и Федор Достоевский были практически ровесниками и прожили свои творческие жизни в одни и те же годы.

Еще более удивителен случай Китая. Конфуцианский и буддийский Китай не смог бы принять христианство в его канонически-церковном виде (разве что только в очень ограниченных масштабах, например, в виде специфической и малочисленной китайской католической церкви), однако он легко воспринял христианские идеи в их марксистских одеждах (точнее, увы, в одеждах упрощенных и искаженных). Но даже в таком виде они пришли на свободное ментальное поле, слабо задевая сложившиеся ценности конфуцианского общества, практически не создавая конкуренции на уровне и в плоскости религиозных догматов или в аспекте церковных общин.

Построения К. Кантора остро дискуссионны, это очевидно, однако они не лишены серьезной логики. Можно лишь повторить, что, к сожалению, упомянутые *одежды*, перекроенные и перешитые последователями, быть может, более горячими и нетерпеливыми, но не столь глубокими и тонкими, оказались во многом псевдомарксистскими, что очевидным образом ускорило крах политического эксперимента (тем более, что и для чисто марксистских опытов время, по всей видимости, еще не пришло).

Но здесь важно отметить вот что: принципиально глобальный (планетарный) характер Марксова учения, фактически первым заговорившего о человечестве и его судьбах как о целом, хотя начальный толчок этому дали христианские проповедники («Несть эллина и несть иудея...»).

«От тайги до британских морей»

За то, что я верна осталась
Печальной родине моей...

Анна Ахматова

И снова вопрос: зачем, к чему эта безмерная мука всемирного завоевания? Что за дикая блажь? Что за бездонный аппетит? Неужели всего лишь для тривиального грабежа на манер примитивных племен? Энгельс, кстати, так и назвал – грабежом – попытки России выйти за пределы традиционно русских (восточнославянских) областей. Но ведь мы в России хорошо знаем, что это не совсем так. Не для грабежа это делалось. Конечно, наша национальная искренняя убежденность – еще не аргумент. Да ведь Россия почти никогда не грабила. Ни в Москве, ни в Петербурге не найти свидетельств ограбления колоний, не существует грандиозных имперских построек за счет украинских, прибалтийских или среднеазиатских ресурсов, дворцы и дома в метрополии никогда не были набиты бухарским золотом, текинскими коврами или кавказской и балтийской утварью, нет музейско-складов награбленного искусства и прочего, в Эрмитаже все куплено за денежки. (И лишь некоторые последствия 1945 г. в связи с запутанной проблемой реституции составляют тему особого разговора. Здесь скажу лишь, что волокли «трофейное» имущество в Россию не аристократы, правившие страной несколько столетий до того, а большевистские начальники и «мужицкие» генералы – этой же публике грабительский душок был, увы, не в диковинку.)

И все же, если вернуться к теме безмерного расширения русского пространства, – не для грабежа. Тут явно что-то иное. Сильное мессианское чувство в русском сознании – не выдумка. И как похоже на реальность то обстоятельство, что коммунистическая идея проникла в Россию в очень специфическую для страны эпоху, и это чуть подостывшее чувство вогнала в новый вираж.

Господство над миром. Казалось бы, возникновение этой темы должно быть связано с Римом. Разве не эта империя впервые поставила вопрос о планомерном завоевании земель до краев ойкумены? Все так, если говорить о тупом военном овладении пространством. Но Рим, рассылая легионы до кельтских островов и дакийских провинций, провалился духовно. Императоры (хотя бы в лице Константина) поняли это с запозданием, ибо всю уже шел процесс духовного завоевания (объединения) мира. И началось это даже не с христианства, а с двух более ранних, но весьма могучих ветвей культуры – с иудейского монотеизма и античной (греческой) диалектики. Явление Христа лишь обозначило слияние этих ветвей и новый нравственный порыв. Но ни Миланский эдикт Константина и Лициния 313 г., признавший христианство наряду с другими религиями, ни Никейский собор 325 г., ни Константинопольский эдикт Феодосия I в 392 г. уже не смогли спасти изнемогший Рим. Кончилось тем, что не Рим (пусть уже с христианством как государственной религией) захватил мир, но скорее мир (в лице варваров) захватил Рим. Позже, как мы знаем, это случилось и со Вторым Римом. У средневекового русского писателя Нестора Искандера в «Повести о взятии Царьграда турка-

ми в 1453 г.» падение Второго Рима подается с провиденциальной силой – как поворотное историческое событие. Спустя полвека Великий князь Московский Василий III, собирая русские земли, присоединил в числе прочих городов и Псков. И тогда монах Елизарова монастыря во Пскове написал князю, что он, князь, – наследник великих императоров, что его град отныне – мировой центр и оплот истинной религии.

Но трещит в наши дни и съезживается Третий Рим. Неужто и его готовы растоптать *«новые варвары»*? Христианство, растворенное в коммунистическом учении и усиленное утопическими призывами («Разбить цепи рабства на всей планете»), поначалу подвигло нацию на мощные порывы, но все это за несколько десятилетий выдохлось, ибо было замешано на наивной вере пополам с тривиальным враньем очень быстро переродившихся «вождей».

Спасет ли нас, вернет ли созидательную энергию возврат к ортодоксальному христианству? Есть ли серьезное будущее у Русской Православной Церкви? Надо ли нам продолжать поиски национальной идеи в более широком поле?

Вернет ли России имперско-мессианский дух то обстоятельство, что она, приостановив пространственный развал, включилась в нешуточную борьбу за небольшие земельные пространства на своих южных границах, в поле сложнейших этнических сплетений? Актуальна ли эта борьба на фоне неизбежно разворачивающихся процессов глобализации и постепенного таяния традиционных экономических и политических границ?

И еще вопрос: существуют ли ныне достаточные основания для того, чтобы страна за океаном стала бы если не в открытую величать, то хотя бы ощущать себя Римом Четвертым? Последние события придают этому вопросу какой-то нервно-иронический характер, еще более запутывая достаточно актуальную тему однопольности-многопольности мира.

«Всю тебя, земля родная...»

О наша крепость и оплот!
Великий Бог! Веди нас ныне,
Как некогда ты вел в пустыне
Свой избранный народ!..

Федор Тютчев

Россия изнутри и Россия снаружи – словно две различных страны. Издали на нее всегда смотрят косо (по меньшей мере, с той поры, когда об этом написал князь Ливен). Те же иностранцы, которые задерживаются в России, живут годами – нередко влюбляются в нее.

Американцы же по сей день изображают в шпионских фильмах русского человека как существо коварное, холодное и беспредельно жестокое. Эдакого завоевателя, который, если его не обуздать, не остановится ни перед чем. Увы, неоправданная, немотивированная жестокость встречается в русской жизни, в остальном же – удивительное непопадание, дань устаревшим взглядам. Мы категорически не в силах узнать себя в этих киношных монстрах. А вот в фильмах с *чевской нотой* (про людей милых и слабых) мы себя охотно узнаем.

Итак, добрый, мятущийся, неуверенный и самоуглубленный человек – при взгляде изнутри (изнутри страны, особенно изнутри собственной души). Недоста-

точно окультуренный, не до конца воспитанный, однако же настойчивый и коварный завоеватель – если смотреть снаружи (многие так и смотрят).

Россия несет в себе противоречиво оба этих начала. Причем изнутри по большей части *мы* видим (желаем видеть) некую духовно-культурную сторону наших экспансионистских претензий (отсюда бесконечные разговоры о какой-то особенной русской *духовности*, о всемирной отзывчивости русского человека, об особой тонкости и глубине культуры), в то время как *они*, смотрящие на нас снаружи, видят нас несколько в ином свете – отсталыми, варварски-агрессивными и отчасти загадочными (западный миф о русской душе, о Достоевском, Чехове, Пастернаке...).

Противоречие это отразилось и в Русской Православной Церкви, в лице лучших своих представителей поднимавшейся до высочайшего духовного подвига, но в целом отсталой, горделиво-провинциальной, завязанной на приземленную и старомодно-пышную ритуальность, давно сдавшей свои позиции перед государственным и основательно погрязшей в интригах церковного начальства среднего и высшего звена.

И вот мы подбираемся к важному. Для чего нужны были «магнитки», «кузбассы», «днепрогэсы» и «Коминтерн»? Для лучшей, более зажиточной жизни обывателя? Как бы не так. Лучшая жизнь, конечно, обещалась, громко и прилюдно, но был этот фактор по счету третьим, если не пятым. А на первом – освобождение трудящихся всех стран: «Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». А для этого надо, чтоб «от тайги до британских морей Красная Армия...» и все такое прочее. Заметим по этому поводу, что, например, к 1941 г. Англия имела на вооружении 50 танков, а Гитлер – целых пять с половиной тысяч. Фюрер упивался таким грандиозным превосходством. А сколько танков было в СССР, он не знал. Но полагал, что мало. И разведка его во главе с Канарисом бубнила, что русская промышленность мало на что способна. А в СССР их действительно было не так уж много. Всего-то около 30 тысяч. Из них свыше двух тысяч новейших, с дизельными двигателями (из-за чего танки было труднее поджечь), длинноствольными пушками и великолепной броней (КВ, ИС, Т-34), каких и у немцев не было. И зачем были нужны эти танки? Штанов-то из них не сошьешь. А еще были военные корабли, подводные лодки, самолеты – истребители, бомбардировщики, штурмовики, миллионы парашютов. Была лучшая в мире артиллерия. И так далее. И все это – для обороны? Но оборонительных полос никто не строил, зато старые были старательно снесены.

Сейчас, в наши дни, мы вновь готовы заняться вопросом: для чего были нужны эти «норильские никели», эти «красноярские алюминиевые» – неужели для того лишь, чтобы на неожиданном историческом витке внезапно оказаться «приватизированными» (втемную, нагло и за гроши), чтобы какие-то пронырливые личности положили на свои заграничные счета сотни миллионов, миллиарды долларов? Это не только не похоже на либеральный рынок, это с трудом смахивает на капитализм не только времен Маркса и Энгельса, но и времен пирата Дрейка. Хотя, впрочем, в своей классической работе Маркс говорит: «Превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, эта мучительная, ужасная экспроприация трудящегося народа – вот источник, вот происхождение»

ние капитала...». И не поймешь, кого он имеет в виду, – Ротшильда и Моргана или Дерипаску с Абрамовичем.

Но, быть может, этот вновь явившийся грубый капитализм отрезвит Россию? Лишит ее былой агрессивности, не погонит (вопреки логике Ленина) к империалистским соблазнам? И цивилизованные народы с восторгом распахнут нам объятия? Тем более, что транснациональные корпорации давно перекроили и заново сшили мир поверх государственных границ. Значение же последних, о чем уже упоминалось выше, тает на глазах. Тогда почему мы так вцепились в остатки своих протяженных границ? Почему не хотим отпустить на все четыре стороны малые несговорчивые народы на южных наших границах? Где объяснение?

Тут без теории рациональности по Фрейдю не обойтись. То есть всякими внешне правдоподобными рассуждениями мы пытаемся (сами от себя!) скрыть, замаскировать, затушевать свой древний комплекс. Разве маленькая Чехословакия, превращаясь в Чехию и уменьшаясь вдвое, не проигрывала стратегически? Еще как! Но она не сочла это доводом, чтобы довести дело до войны со Словакией. Если бы в Квебеке за отделение проголосовало бы большинство, неужели Оттава стала бы воевать с Монреалем? Конечно, забавно будет посмотреть, ежели шотландцы возьмут вдруг да и проголосуют за отделение от Великобритании. А почему бы и нет?! Шотландия по размерам и населению напоминает Данию. У них схожи даже широты и географическая форма. Почему бы вольнолюбивой Шотландии, разгромившей английскую армию еще в XIV в., захваченной силою во второй половине XVII в., а официально присоединенной к Англии лишь в XVIII столетии, не пожить отдельно и на свой вкус?

Если мы цивилизованная страна (а вроде бы по-другому мы вопрос и не ставим), то разве не ясно, что проблемы типа северокавказских распутать «на уровне истории» (подлинно демократически) можно только одним способом – грамотными переговорами, мирным союзным соглашением либо – в случае крайнем – цивилизованным разводом.

А объяснения нашей приграничной воинственности – те самые рациональные покрывала по Фрейдю. Единая и неделимая Россия! А то смотри, вот-вот развалится. Кто поверит, что Урал или Вятская губерния проголосуют вслед за Чечней или, допустим, Ингушетией за отделение от Московии? А чему суждено отвалиться, то отвалится рано или поздно. Вот, скажем, Тюрингия, которая каких-то 20 лет тому назад была «социалистической», вовсе не собирается отделяться от «Великой Германии», равно как и ганзейские города, которые помнят времена вольности. Хитрость проста – у них сейчас свободы не меньше. В этом смысл и ценность, скажу упрощенно, открытого общества.

В историческом смысле гораздо умнее вести дело к тому, чтобы межгосударственные границы постепенно теряли свое прежнее значение, как это делается в Европе.

На самом деле на крохотном пятачке Чечни (шире – Северного Кавказа) решалась историческая задача. Россия имела возможность показать, что это уже не лязгающая зубами полубессильная (но все еще опасная) империя, что это уже *новая страна* с прекрасным демократическим потенциалом и воистину замечательным будущим. Причем не *проклятым западникам* показать, но прежде всего самой се-

бе, своему народу, измученному, задержанному и дезориентированному. А то ведь он и сам ныне не знает, что он такое есть. А вот когда мы станем действительно богатыми и добрыми (своим трудом и умом, ничем иным), тогда сразу изменится отношение к нам соседей, и с удовольствием будут ездить по делам в Москву как в свой город и украинцы, и казахи, и грузины, и абхазцы, и те же эстонцы. Впрочем, в известной степени все это уже существует. Так что есть и добрые итоги наших демократических реформ. Не на 100 % они провальны.

Кстати, отказ России от коммунизма потому и принят был благожелательно, что его понимали как отказ от доктрины «освободить трудящихся всех стран», то есть от коммунистического империализма. Но оказалось, что имперскость имеет несколько покровов. Сброшен верхний, обнажился под ним лежащий. Сколько их всего и до каких глубин? Что же касается коммунистической экспансии, то каких только анекдотических мнений о ней не складывалось! Голда Мейер рассказывает в своих мемуарах, как саудовский король Фейсал в приватной беседе раскрыл Генри Киссинджеру «страшную тайну»: коммунизм придумали евреи, чтобы сначала захватить Россию, а уже с ее помощью весь мир. (Замечательна в своей объясняющей простоте эта формула марксизма-глобализма. И роль в этом деле коммунистической России – как на ладони!) Фейсал настойчиво убеждал американского госсекретаря передать это открытие президенту Никсону, ибо, по убеждению короля, от этого зависели вся мировая политика и будущее человечества.

(Окончание в следующем номере.)